

Глава 12

Никон и власти

А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших...

Евангелие от Матфея. 10:14

Как уже говорилось, при поставлении на патриаршество Никон пользовался широкой поддержкой как среди духовенства, так и светских властей. В боярской среде не было оппозиции, которая пыталась бы помешать рукоположению Никона или противопоставить ему другую кандидатуру. Единственным представителем боярства, который имел все основания не любить Никона, был князь Иван Никитич Хованский, сопровождавший будущего патриарха в его поездке на Соловки за мощами митрополита Филиппа. Однако, несмотря на то, что Хованский принадлежал к знатному роду, он не пользовался влиянием в боярской среде. Жалобы князя на притеснения Никона не имели для владыки никаких последствий и не вызвали сочувствия в окружении молодого царя¹. Тем не менее в дальнейшем отношения Никона с боярской аристократией приобрели драматический характер.

По мнению некоторых историков, именно противостояние с боярством стало причиной удаления Никона с патриаршества. Например, А. Гиббенет писал, что «первою причиною к охлаждению дружбы царя с патриархом были козни бояр против Никона, что бояре вооружили царя против друга — патриарха»². Один из ярких представителей церковной историографии, профессор М. В. Зызыкин, принадлежавший к числу апологетов Никона, в своем исследовании прямо противопоставлял прогрессивного патриарха консервативному боярству³. О. Е. Кошелева посвятила специальную статью взаимоотношениям Никона с боярской аристократией, где высказала мысль, что патриарх пытался поставить боярство в зависимость от церковной власти. В результате такой политики против Никона выступила «влиятельная группа бояр, сумевшая склонить на свою сторону и царя»⁴. Исследовательница рассмотрела широкий круг вопросов, в том числе отношения Никона с могущественными представителями боярских кланов. Среди противников патриарха она называет А. Н. Трубецкого, Н. И. Одоевского, П. М. Салтыкова, Ю. А. Долгорукого, Б. М. Хитрово, окольничего Р. Стрешнева, дьяков А. Иванова и Л. Голосова. Все эти люди так или иначе были связаны с делом Никона, возникшим в результате его ухода с патриаршества в 1658 г. Таким образом, за шесть лет пребывания Никона у власти его отношения с боярами коренным образом изменились, и произошло это не столько из-за властного характера патриарха, сколько из-за того, что в этот период значительно изменились лицо и характер Боярской думы. Разумеется, в данном случае речь идет не о каких-то структурных изменениях, а о перегруппировке сил в боярской среде.

Боярская дума играла исключительно важную роль в системе государственного управления. На заседаниях Думы принимались все ответственные решения. Известно, что царь Алексей Михайлович тщательно готовился к этим заседаниям и заранее обдумывал те вопросы, которые он предполагал обсудить с боярами⁵. Дума обладала законодательными, исполнительными и судебными функциями. Решения Думы, появлявшиеся в форме указов с формулой «бояре приговорили», касались важнейших вопросов государственной политики⁶. В первые годы царствования Алексея Михайловича деятельность Думы была особенно активна. За период с 1645 по 1649 год был издан 41 указ, 17 из которых были «боярскими приговорами»⁷. В последующие годы число боярских приговоров в общей массе указов заметно уменьшилось. Так, из 140 указов, изданных за время патриаршества Никона, только 13 содержали формулу «бояре приговорили», 4

исходили лично от патриарха, а 123 были именными⁸. К именным указам относились жалованные грамоты монастырям и отдельным лицам, грамоты и памяти воеводам, земельные и денежные пожалования за службу, указы по судебным делам, в основном о разрешении местнических споров, приказы по армии. Вместе с тем «боярские приговоры» касались всех без исключения международных дел, торговли и таможенных правил, а также вопросов об оказании военной помощи казакам Б. Хмельницкого, рассматривавшихся на Земском соборе 1653 г.

Члены Боярской думы осуществляли управление страной и исполняли судебные функции через систему приказов. Некоторые из них возглавляли сразу два или несколько приказов. Например, царский тесть И. Д. Милославский в 1652—1658 гг. одновременно был главой Иноземского, Казенного, Стрелецкого, Ямского приказов, а также приказа Большой Казны⁹. Князь А. Н. Трубецкой возглавлял Сибирский приказ¹⁰. Сыскной приказ в 1652—1656 гг. возглавлял князь Ю. А. Долгорукий, которого на этом посту сменил думный дворянин Ю. А. Прончищев¹¹. Большое влияние в приказной администрации имел окольничий Б. М. Хитрово, который в 1652—1655 гг. возглавлял Земский двор, ведавший сбором налогов и пошлин в пределах Москвы и выполнявший функции полицейского управления столицы. Кроме того, Хитрово ведал и приказ Новой Четверти, куда поступали питейные сборы, а с 1654 г. он также возглавил Оружейный приказ, сменив на этом посту Г. Г. Пушкина¹². В 1657—1658 гг. среди приказных судей появляются Стрешневы, влияние которых в это время начинает возрастать. 8 марта 1657 г. Родион Матвеевич Стрешнев возглавил Большой приход, а 17 апреля того же года Иван Федорович Стрешнев стал судьей Монастырского приказа, где разбирались судебные дела духовных лиц. Нужно сказать, что в первые годы патриаршества Никона среди управляющих Монастырским приказом были и представители духовенства: чудовский архимандрит Ферапонт, Новоспасский старец Пафнутий Еропкин и сретенский протопоп Петр, но при И. Ф. Стрешневе все они были отстранены от управления¹³.

В конце 1654 или в начале 1655 г. был учрежден приказ Тайных дел, который являлся личной канцелярией царя. Первоначально он возник как отделение приказа Большого Дворца, где было сосредоточено управление дворцовым хозяйством. Большой Дворец возглавлял боярин В. В. Бутурлин. Среди дьяков этого приказа был Дементий Башмаков, которому и было поручено возглавить приказ Тайных дел¹⁴. Учреждение приказа не означало реформы приказного управления, оно лишь отвечало особенностям личности царя, который хотел поставить некоторые государственные дела под свой личный контроль. Компетенция приказа была довольно широкой. Он ведал дворцовыми землями, делами Саввина Сторожевского монастыря, находившегося под покровительством государя, а также перепиской Алексея Михайловича. «Тайные» дьяки присутствовали на дипломатических приемах, объявляли государю иностранных послов¹⁵. В 1657 г. Дементий Башмаков даже участвовал в церемониях поставления на архиерейскую кафедру тверского архиепископа Иосифа и казанского митрополита Лаврентия и водил под ними «осля»¹⁶.

В источниках нет никаких упоминаний о том, что Никон присутствовал на заседаниях Думы или каким-то образом оказывал влияние на ее работу. Очевидно, патриарх и не стремился к этому. В его ведении находились патриаршие приказы — Дворцовый, Казенный и Разрядный, созданные еще Филаретом и ведавшие делами духовенства в огромной патриаршей области. Кроме того, патриарха окружал целый штат придворных, «множество бояр, из коих большую часть он делает теперь правителями (областей), каков, например, воевода Путивля и другие, из них же бывают уполномоченные, казначеи и келари для всяких дел, одни надзирают за

казнохранилищем, другие над патриаршим домом, иные над доходами, иные над расходами»¹⁷. Так писал в своей книге греческий дьякон Павел Алеппский.

В 1652—1658 гг. во главе патриарших приказов стоял Борис Иванович Неледенский, любимец Никона и начальник его охраны. Вместе с ним в приказах сидели дьяки Иван Кокошилов и Лукьян Голосов. Последний, вероятно, сделал свою карьеру не без помощи Федора Михайловича Ртищева. Еще в 1650 г. Голосов по настоянию царского постельничего выучил латынь и стал одним из немногих чиновников, которые могли общаться на этом языке. Его даже называли «латинским дьяком». Участник голландского посольства в России Николаас Витсен отзывался о нем как о человеке образованном, но богобоязненном¹⁸.

Упомянутый Павлом Алеппским воевода Путивля — это Никита Алексеевич Зюзин, один из ближайших друзей Никона. Зюзин был человеком светским, находившимся на службе у патриарха. Он не служил в патриарших приказах, а сделал карьеру при дворе Алексея Михайловича. Зюзин был незнатного происхождения и не имел влиятельных родственников. Тем не менее 8 ноября 1652 г., вскоре после поставления Никона на патриаршество, ему был пожалован чин окольничего, а некоторое время спустя, 3 апреля 1653 г., он стал боярином. Столь стремительное возвышение провинциального дворянина было нарушением традиции и стало возможным только благодаря покровительству Никона. Зюзин получил высшие думные чины, еще не проявив себя на государственной службе¹⁹. Знатные бояре были явно недовольны появлением Зюзина в ближайшем окружении государя. Местнические споры, которые затевал ставленник Никона, заканчивались не в его пользу²⁰. Между тем Зюзин регулярно присутствовал на обедах у государя вместе с патриархом и такими родовитыми людьми, как М. М. Салтыков, Ф. Ф. Волконский, И. А. Хилков, Ю. А. Долгорукий, И. И. Лобанов-Ростовский, В. П. Шереметев²¹. В конце концов Зюзина отправили на воеводство в Путивль. Это было далеко не почетное назначение, как, очевидно, полагал Павел Алеппский: Путивль стоял на южных рубежах России и пребывание там на воеводстве было равносильно ссылке. По всей видимости, Зюзина недолюбливал и Алексей Михайлович, который советовал своему любимцу А. Л. Ордину-Нащокину не знаться с ним, так как «Микита многоязычен и приплетает ево к ненадобным делам»²². Что касается Никона, то он испытывал к Зюзину теплые, дружеские чувства. В письмах к боярину он называл его своим «чадом», просил писать «почасту», посылал ему подарки — «рыбки, две семошки»²³. Зюзин также оставался верным своему покровителю, даже когда для патриарха настали трудные времена. Эта преданность Никону обернулась для боярина роковыми последствиями, о чем мы подробнее расскажем в следующей главе.

Каковы были отношения Никона с другими представителями боярской аристократии? Павел Алеппский писал, что «бояре прежде входили к патриарху без доклада привратников, он выходил им навстречу и при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти; они входят с чрезвычайною робостью и страхом, причем до самого окончания своего дела стоят на ногах, а когда затем уходят, Никон продолжает сидеть»²⁴. Казалось бы, столь красноречивое свидетельство не требует комментариев. Однако следует помнить, что греческий дьякон находился в Москве в 1655 г., во время отсутствия государя, который вместе с Думой отправился в польский поход. В столице оставалась лишь боярская комиссия во главе с князем Г. С. Куракиным²⁵. Павел Алеппский писал: «Перед своим отъездом царь поставил на место себя полномочного наместника и несколько министров. Из них на каждого возложено одно дело, высшее же решение принадлежит наместнику. Наблюдателем над всеми он поставил патриарха; ни одно дело, важное или незначительное, не делается иначе,

как с его совета и по докладу ему министрами каждое утро»²⁶. Шведский резидент Иоганн де Родес также заметил, что «наместник» царя князь Г. С. Куракин не может без согласия патриарха выполнить самого незначительного дела²⁷. Впрочем, о Куракине ходили нелестные отзывы. Польский гетман Павел Потоцкий писал, что он «более способен наносить увечья, чем высказывать суждения»²⁸. Таким образом, в отсутствие царя патриарх выступал в роли наместника, которому была подчинена боярская комиссия. Однако членов боярской комиссии было немного, как правило три или четыре человека, и их нельзя отождествлять со всей Думой. К тому же, когда Павел Алеппский видел людей, ожидавших приема у патриарха, он едва ли мог определить, кто из них принадлежал к родовитому боярству, а кто был простым приказным дьяком.

Когда царь и весь двор возвращались в столицу, Никон уже не пользовался такими большими полномочиями. В системе государственного управления Московского государства церкви отводилось подчиненное место. Патриарх был хозяином, да и то не полновластным, лишь в пределах своей епархии. Правда, Никон постоянно добивался у царя новых привилегий. Например, он выкупал вотчины светских землевладельцев и приписывал их к своим владениям²⁹. Эта практика получила широкое распространение. Об этом писали даже иностранцы. Шведский резидент Адольф Эберс сообщал в одном из своих донесений, что «постановления царя отменяются патриархом, и царь это сносит. Бывали также случаи, что царь награждает своих подданных землями и домами, а патриарх их отбирает и назначает другим. Если обиженные обращаются к царю с жалобой, он отвечает, что не может идти наперекор воле святого патриарха; все, что он совершает, хорошо»³⁰. По подсчетам Т. Б. Соловьевой, с 1654 по 1658 г. Никон купил около сорока вотчин у светских землевладельцев³¹. Патриарху переходили также выморочные вотчины. Известно, что ему достались владения двоюродного дяди царя, Никиты Ивановича Романова. К последнему патриарх испытывал личную неприязнь, из-за того, что тот любил носить иноземное платье и вообще увлекался западными веяниями. Кроме того, Н. И. Романов враждовал с царским воспитателем Б. И. Морозовым. Он сумел упрочить свои позиции после московского восстания 1648 г. Перед началом русско-польской войны его даже стали приглашать на заседания в Кремль, чего раньше никогда не делали³². Однако уже весной 1653 г. произошел конфликт Романова с патриархом, когда Никон приказал сжечь немецкие платья, парики и шпаги боярина. Кроме того, патриарх «заполучил себе юношу, который служил господину, но из-за какой-то проделки был посажен в тюрьму, и чтобы освободиться, он должен был обвинить господина Романова в нескольких содомских грехах»³³. Возможно, этот конфликт имел бы продолжение, если бы не начавшаяся русско-польская война. Н. И. Романов отправился в поход вместе с государем и умер на обратном пути 11 декабря 1654 г. Большая часть владений боярина перешла к Иверскому монастырю. Патриарх Никон неоднократно приезжал на двор Романова и выбирал то, что ему нравилось. 21 февраля 1655 г. из казны боярина патриарху было дано 1000 рублей на святительскую шапку³⁴.

Никон постоянно выпрашивал у царя новые привилегии. В феврале 1657 г. патриарх добился подтверждения указов Бориса Годунова о неподсудности духовенства патриарших вотчин государевым наместникам и освобождении патриарших крестьян от земской повинности, а также указа Михаила Федоровича о подсудности духовенства патриарших вотчин исключительно патриарху, за исключением дел уголовного характера, и о власти патриарха определять в своих вотчинах размеры дани и оброка³⁵. Все эти пожалования были следствием благоволения царя. Вероятно, они вызывали недовольство в боярской среде, однако никто не смел выступать против патриарха открыто. Постепенно Никон своими действиями настроил против себя некоторых членов Боярской думы, правда в самой

Думе за короткий период его патриаршества произошла перегруппировка сил. Прежние боярские кланы, определявшие политику страны в первые годы царствования Алексея Михайловича, уступили место новым фаворитам.

С 1652 по 1658 г. число членов Боярской думы увеличилось с 60 до 68 человек³⁶. Большинство новых назначений производилось за боевые заслуги на полях сражений польской и шведской войн и за дипломатическую службу В 1655—1658 гг. думные чины получили Д. С. Велико-Гагин, С. А. Урусов, Ф. Ф. Долгорукий, П. К. Елизаров, И. И. Баклановский, Ф. М. Ртищев, Г. Г. Ромодановский, Н. М. Боборыкин, А. Л. Ордин-Нащокин и другие³⁷. Выслужившаяся аристократия начинала играть все более заметную роль в политической жизни государства. Алексей Михайлович ценил своих новых советников, хотя это и вызывало недовольство родовитой знати.

Как уже говорилось, непосредственным влиянием на царя обладала так называемая ближняя Дума, в которую входили самые знатные бояре и фавориты государя. За право попасть в ближайшее окружение государя в Думе шла бескомпромиссная борьба между влиятельными боярскими группировками. По наблюдению Р. О. Крами, эти группировки были недолговечны и состав их менялся в зависимости от политической конъюнктуры. Применительно к рассматриваемому периоду можно с большей или меньшей степенью достоверности выделить самые влиятельные из боярских кланов.

В начале патриаршества Никона ведущую роль при дворе продолжала играть группировка царского воспитателя Бориса Ивановича Морозова. Несмотря на то что во время московского восстания 1648 г. ее позиции были подорваны, опытный политик сумел восстановить свое влияние. Во главе важнейших приказов Морозов поставил царского тестя Илью Даниловича Милославского. Его двоюродный брат, Иван Андреевич Милославский, возглавлял Ямской приказ³⁸. Очевидно, к группировке Б. И. Морозова примыкал и князь Ю. А. Долгорукий, который был женат на Елене Васильевне Морозовой, тетке Бориса Ивановича, тогда как брат его Дмитрий Алексеевич взял в жены сестру Ильи Даниловича Милославского³⁹. Однако в последние годы патриаршества Никона влияние этой группировки стало слабеть. Борис Морозов был стар и часто болел, хотя он никогда не утрачивал расположения царя. По свидетельству австрийского посла Августина Майерберга, Алексей Михайлович посещал Морозова тайком, когда тот был болен, и «советовался с ним о важнейших делах»⁴⁰. Шведский резидент А. Эберс также считал, что Морозов единственный бескорыстный советник государя⁴¹. Нужно сказать, что Никон всегда поддерживал хорошие отношения с царским воспитателем. Незадолго до своей смерти в 1661 г. боярин через И. М. Милославского просил патриарха простить его, «любо кая досада к нам была». В ответном послании на имя царя Никон писал, что «мы ево досады к себе не видали, кроме любви и милости». Патриарх благословлял боярина и просил царя после кончины Морозова пожаловать Воскресенскому монастырю хотя бы «вотчинку на вечное пропитание служащим святей церкви»⁴².

В противоположность Морозову Илья Данилович Милославский, по общему мнению, был глуп и безроден, да к тому же еще и выскочка. Худородство Милославских вызывало раздражение титулованной знати. Так, князья С. П. и В. П. Львовы во время обеда у царя в апреле 1657 г. били челом на Милославских за то, что те заняли более почетное место за столом. Царь по этому поводу «кручинился» и сказал, что «того де записано не будет»⁴³.

Искренней любовью царя пользовался князь Юрий Алексеевич Долгорукий, который, по словам А. Майерберга, «был уже в летах». Он принимал участие во всех военных походах Алексея Михайловича, участвовал во взятии Ниеншанца, Дерпта, Нарвы и осаде Риги в 1656 г.⁴⁴ Как писал А. Майерберг, Долгорукий пользовался в Москве большим уважением за то, что, «благодаря военному счастью, взял в плен

при Вильне полководца Великого Княжества Литовского и Казначея» Викентия Гонсевского⁴⁵. Долгорукий выполнял и дипломатические поручения, причем в товарищах у него был А. Л. Ордин-Нащокин. В мае 1658 г., незадолго до оставления Никоном патриаршего престола, князь отправился в Вильно для охраны послов — Н. И. Одоевского и П. В. Шереметева⁴⁶. В. Н. Татищев писал, что Никон недолюбливал Долгорукого. Возможно, это утверждение имеет под собой основание. В 1664 г. Долгорукий принимал участие в розыске по делу друга Никона — Никиты Зюзина⁴⁷.

Князья Одоевские, Черкасские и Пронские вместе со своими родственниками Шереметевыми составляли другую группировку. Однако в период патриаршества Никона ее влияние было невелико. Правда, Н. И. Одоевский в 1653 г. был возвращен в Москву из Казани. Он принимал участие в военных кампаниях против Польши. Павел Потоцкий писал, что князь «обладает благоразумием, не во всем пронизательным, и врожденным благородством, чьи искры еще не совсем угасли. К этому добавляется и то, что он обладает точнейшим знанием писаний славян и не чужд некоторого знания польских историков»⁴⁸. Потоцкий считал, что Одоевский заложил основы перемирия с Польшей. Как уже говорилось, князь возглавлял русское посольство на виленских переговорах.

О князе Одоевском Никон отзывался очень резко. Как известно, князь возглавлял комиссию по составлению Соборного Уложения 1649 г., в которое, как следовало из предисловия к книге, должны были войти выдержки «исправил Святых Апостол и Святых Отец и из Градских Законов греческих царей, и из старых судебников прежних великих государей». Однако, по словам Никона, Одоевский «враг Божий и всякой истинне, все солгал» и из церковных правил ничего не выписывал. Патриарх считал, что «князь Никита, человек прегордой, страху Божия в сердца не имеет, и божественнаго писания, и правил Святых Апостол и Святых Отец ниже чтет, ниже разумеет и жити в них не хочет, и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам быв враг всякой истинне»⁴⁹. Казалось бы, этот отзыв вполне однозначно характеризует отношение патриарха к князю. Однако следует отметить, что эти строки были написаны уже после оставления Никоном патриаршества, когда он жил в добровольном изгнании в Воскресенском монастыре и полемизировал со своими противниками по поводу возложенных на него обвинений. Кроме того, нужно учесть, что Одоевский в то время принимал активное участие в деле Никона, и это, конечно же, не могло снискать ему симпатий со стороны патриарха. Если же обратиться к периоду патриаршества Никона, то можно заметить, что после своего возвращения из Казани князь нередко обедал у царя вместе с патриархом, Никон кропил его святой водой, благословляя на ратные подвиги перед польским походом 1654 г.⁵⁰ По всей видимости, Одоевский превратился в непримиримого врага Никона далеко не сразу. Это произошло уже после оставления Никоном патриаршего престола.

Что касается князей Черкасских, то после их кратковременного взлета во время московских волнений 1648 г. они снова потеряли свое влияние. Князь Яков Куденетович, на время занявший посты в приказной администрации вместо Б. И. Морозова, через несколько месяцев был смещен И. Д. Милославским. Очевидно, он, как и его родственник Григорий Сенчулеевич, пожалованный в бояре в феврале 1657 г.⁵¹, был плохим политиком. К тому же царь явно не любил Черкасских. Павел Потоцкий писал о князе Григории Сенчулеевиче, что он «абсолютно невежествен не только в науках, но и в нравственном смысле, высокомерен, благодаря мощи своего тела. Царь же скорее дорожит его боевыми качествами, нежели любит его... но его случайные физические дарования не только не равны, но просто подавляются его душевными недостатками»⁵².

Князья Пронские также были маловлиятельными фигурами при царском дворе. После смерти князя Михаила Петровича во время морового поветрия 1654 г.

старшим в роде остался его брат Иван Петрович, которому в мае 1658 г. было поручено воспитание царевича Алексея Алексеевича. Но, как писал Потоцкий, «поздно и несвоевременно раскаялся царь в том, что поручил ему такую обязанность»⁵³. Возможно, И. П. Пронский был плохим воспитателем, но важно отметить то обстоятельство, что князь был у царевича в «дятках» всего за два месяца перед тем, как Никон оставил патриаршество. До этого воспитанием Алексея Алексеевича во многом занимался сам патриарх, которому поручалось заботиться о царской семье во время отсутствия государя в Москве.

В ближайшее окружение царя входили двоюродные братья Петр Васильевич и Василий Борисович Шереметевы. Оба они по знатности рода были пожалованы в бояре. Родственные узы связывали их с князем Ф. Ф. Волконским и думным дьяком Иваном Гаврениным⁵⁴. Между тем оба боярина были еще молоды и едва ли могли соперничать в искусстве политической интриги с таким опытным царедворцем, как Б. И. Морозов. К тому же они, вероятно, были обласканы Борисом Ивановичем. В разрядных записях имена Шереметевых, Морозова и Никона часто упоминаются вместе. Они нередко обедали у государя⁵⁵. Незадолго до оставления Никоном патриаршества боярин Василий Борисович был отправлен воеводой в Киев, а Петр Васильевич вместе с князем Н. И. Одоевским поехал на переговоры с поляками в Вильно⁵⁶.

Сохранил свои позиции при дворе Ф. М. Ртищев, «главный дворецкий и последний любимец государя», как писал о нем Августин Майерберг. Ртищев принадлежал к кружку ревнителей благочестия. Он унаследовал от своего отца Михаила Алексеевича должность постельничего. Во время польской войны Ф. М. Ртищев проявил себя на военной и дипломатической службе, за что царь пожаловал его «быть в окольничих» и велел учинить «400 четвертей оклад не во образец, сверх окольнического оклада, потому что и служба твоя к нам, великому государю, отменна»⁵⁷. Ртищев, «напитанный религиозными чувствами, образованный как в умственном, так и в нравственном отношении»⁵⁸, в первые годы царствования Алексея Михайловича был единомышленником Никона и одним из советников государя. Иностранцы полагали, что Федор Михайлович нажил себе врагов, в частности из-за того, что его считали виновником чеканки медных денег⁵⁹. Вероятно, представители знати были недовольны тем, что неродовитый дворянин имеет большое влияние на царя. Однако у Ртищева был свой покровитель при дворе в лице могущественного Бориса Ивановича Морозова. В свою очередь, царский постельничий сам способствовал продвижению некоторых придворных. Благодаря ему блестящую карьеру сделал его двоюродный брат Богдан Матвеевич Хитрово, который после Ртищева стал заведовать приказом Новой Четверти⁶⁰.

Б. М. Хитрово принадлежал к одной из самых влиятельных боярских группировок. В нее входили князья А. Н. Трубецкой, Б. А. Репнин и И. А. Хилков. В молодые годы Хитрово «заявил свой разум» на службе у А. Н. Трубецкого, который, по словам А. Майерберга, был «уже преклонных лет, не с большим даром слова, да и недалежного ума». Хитрово же, напротив, «высказывал свое мнение с величайшим присутствием духа в самых затруднительных делах Государства и при помощи своего дарованного трудолюбия так пошел вперед, что из простого дворянского звания попал в самое высшее и стал Начальником Оружейной»⁶¹. Этот лестный отзыв принадлежит Августину Майербергу, который нечасто дает положительные характеристики московским чиновникам. Потоцкий писал, что Хитрово «никогда не держал уши закрытыми для просьб, особенно чужеземных... он с помощью сокровищ добывал превосходных друзей, не злоупотребляя доверием правящего»⁶². Известно, что Хитрово оказывал покровительство голландцам⁶³. Благоклонное отношение к иностранцам со стороны Хитрово, конечно же, раздражало патриарха.

К концу патриаршества Никона группировка А. Н. Трубецкого набирала силу. Хотя Майерберг нелестно отзывался о личных качествах князя, нужно признать, что у него было немало достоинств, которые снискали ему уважение государя. Собственно возвышение Трубецкого последовало после воцарения Алексея Михайловича. Он получил боярский чин в 1646 г. Более пятнадцати лет князь возглавлял Сибирский и Казанский приказы. Во время русско-польской войны он успешно командовал южной армией, а в 1656 г. был воеводой в Прибалтике, где захватил Дерпт, Нарву и ряд других городов. Бесспорные воинские заслуги снискали Трубецкому большой авторитет, который все более возрастал по мере того, как слабели силы Б. И. Морозова. Впрочем, нет никаких оснований полагать, что Трубецкой питал к патриарху враждебные чувства. Напротив, его отношения с Никоном, по-видимому, были неплохими. Например, в декабре 1656 г., когда князь возвращался из шведского похода, он проезжал через Иверский монастырь, где в это время находился патриарх. Трубецкой «с товарищи» был «в трапезе и в те поры школьным ребятам, которые перед государем патриархом речи говорили», было дано по гривне⁶⁴. Это упоминание о поздравительных речах, или орациях, очевидно бывших в обиходе у патриарха Никона, весьма примечательно, поскольку обычно их появление связывается с именем Симеона Полоцкого. Павел Алеппский писал, что наибольшее удовольствие патриарх находил в пении детей казаков⁶⁵.

В начале лета 1658 г., незадолго до оставления Никоном патриаршества, многие влиятельные члены Думы, такие, как Н. И. Одоевский, Ю. А. Долгорукий, В. Б. Шереметев, по долгу службы находились за пределами столицы. Зато в Москве оставались князя А. Н. Трубецкой, Б. А. Репнин, И. А. Хилков. Все они участвовали в церемонии встречи кахетинского царя Теймураза, которая состоялась 6 июля. Теймураз рассчитывал получить помощь русского царя, чтобы вернуть себе трон, который он потерял из-за притеснений иранского шаха. Еще в 1652 г. стараниями Теймураза в Москве была основана грузинская колония, где поселился его внук царевич Ираклий⁶⁶. Теймураз приехал в столицу в сопровождении Богдана Хитрово, который возглавлял процессии и разгонял палкой толпу. Возможно, случайно, а может быть, и намеренно Хитрово ударил сына боярского князя Д. Мещерского. Оскорбленный Мещерский сказал, что он патриарший человек, но Хитрово, «гордяся, приложи ему раны с бесчинными глаголы: недорожидеся и с патриархом». Узнав об этом инциденте, Никон бил челом Алексею Михайловичу, «чтоб пожаловал государь, велел дать оборонь на Богдана Хитрово, что Богдан убил моево Мещерсково князя, и государь не пожаловал, оборони не дал, и я де стану с ним управливатца церковью»⁶⁷. Вызывающее поведение Хитрово можно объяснить только тем, что он чувствовал свою безнаказанность. Окольный знал, что отношения царя с Никоном стали натянутыми, и поэтому ничем не рисковал, обижая патриаршего человека. Между Алексеем Михайловичем и его «собинным другом» произошла размолвка, которая в конечном счете и привела к падению патриарха.

Отношения Никона и Алексея Михайловича претерпели известную эволюцию. Как уже говорилось, патриарх отличался исключительной требовательностью в деле церковного благочестия. Используя свое влияние, он лишал набожного государя многих земных радостей, а между тем Алексей Михайлович не был чужд светских развлечений. В свое время под давлением Стефана Вонифатьева довольно скромно, без песен и плясок прошла свадьба Алексея Михайловича и Марии Милославской. В начале 1653 г. патриарх «приказал Его Царскому Величеству уничтожить всех диких зверей, также собак и все, что относится к охоте, так как Его Царское Величество впредь должен совершенно отказаться от удовольствия охотиться, потому что патриарх считает это великим грехом; всем знатным господам приказано уничтожить их охотничьих собак»⁶⁸. Это запрещение было чрезмерным. Царь очень любил охоту, особенно соколиную, и для

него было большим испытанием расстаться со своим любимым занятием, пусть даже в угоду благочестивым помыслам патриарха.

Вскоре начались военные действия против Польни, которые развивались весьма успешно и только укрепили позиции Никона, поскольку он по праву считал себя вдохновителем этого похода. Кроме того, патриарх уберег от морового поветрия царскую семью, включая наследника престола царевича Алексея. Эти заслуги были оценены по достоинству. Восторженные отзывы о патриархе дьякона Павла Алеппского, написанные в 1655 г., не оставляют сомнения в том, что Никон в это время был на вершине своего могущества. Страна управляется «лишь двумя: царем и патриархом», «любовь царя и царицы к нему неопишима», утверждал Павел Алеппский⁶⁹. Находившийся в то время в Москве Павел Потоцкий впоследствии напишет в своей книге о Московии, что царь без ведома патриарха не осмеливается ни созывать сенат, ни объявлять войну, ни налагать пошлыны⁷⁰. Однако через два с небольшим года почти неограниченная власть Никона рухнула в одночасье.

В 1656 г., незадолго до начала русско-шведской войны произошла первая ссора царя с патриархом. Об этом сообщает все тот же Павел Алеппский. 5 марта антиохийский патриарх Макарий, в свите которого находился греческий дьякон, был отпущен на родину. Однако 3 апреля «послал Государь стольника Ивана Иванова сына Головина к патриарху Антиохийскому Макарию в Путивль, или где съедет его; а велено ему патриарха поворотить к Москве»⁷¹. Макарий подчинился приказу. На подъезде к столице выяснились причины столь спешного возвращения. Антиохийскому патриарху повстречались греческие купцы, которые сказали, что «в Великую пятницу царь поссорился с патриархом в церкви — по какой причине, никто в точности не знал; было только известно вообще, что ссора была вызвана высокомерием патриарха и его грубым обращением, ибо он сделался чрезвычайно надменен»⁷². Кроме того, до сведения царя дошло, что Никон исполнил обряд водосвятия на праздник Богоявления Господня не так, как советовал ему патриарх Макарий. Алексей Михайлович был очень разгневан и выбрал патриарха, назвав его «мужик, бл... сын»⁷³. Любопытно, что на Вербное воскресенье во время обрядового шествия «на осляти» лошадь под патриархом водил не царь, как это бывало прежде, а боярин Борис Иванович Морозов⁷⁴.

В мае 1656 г. Алексей Михайлович отправился в новый поход, на этот раз против шведов. Вместе со своим войском государь прошел через прибалтийские города Полоцк, Динабург, Кокенгаузен, видел стены Риги. Это было первое путешествие русского царя на Запад, которое по своему значению, пожалуй, можно сравнить с Великим посольством Петра I. Правда, после возвращения Алексея Михайловича в Москву во внутренней политике не последовало радикальных преобразований, но нет никакого сомнения, что на молодого государя сильное впечатление произвела культура западных городов. Английский доктор Самюэль Коллинс, находившийся на службе у Алексея Михайловича, оставил любопытные записки о нравах московского двора того времени. По его словам, «с тех пор, как Его Величество был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать Польскому Королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома»⁷⁵. В 1657 г. Алексей Михайлович поручил своим агентам за границей привезти в Россию вещи, которые было трудно увязать с идеалом благочестивого быта православного христианина. В списке этих вещей значились оптические приборы, гобелены, мебель, музыкальные шкатулки, кружева, столовые приборы, певчие птицы и кареты⁷⁶. Нетрудно представить, как патриарх мог отнестись к подобным пристрастиям государя.

Постепенно Алексей Михайлович стал все больше отдаляться от Никона. Наконец он перестал присутствовать на богослужениях, которые совершал патриарх.

После Пасхи 1658 г., которая приходилась на 1 апреля, имя Никона исчезает из разрядных записей⁷⁷. Биограф патриарха Иван Шушерин писал: «Егда случаются праздничныя дни и бываху Великаго Государя выходы в Соборную Церковь и на исхождение с литиями, тогда Благочестивый Царь подущаем злыми ближними своими боляры, в те обыкыя исхождения не исхождаше. Святейший же Патриарх множицею его ожидаше благовет продолжая; Благочестивый же Царь присылаше к нему и повелеваше не ждати себя и тако бысть между ими распря и безсоветие»⁷⁸. Возможно, в это же время была обнаружена челобитная духовенства с жалобами на патриарха Никона.

Несколько лет спустя в грамоте константинопольскому патриарху, Дионисию Никон так описывал причины своей опалы: «Тогда нача помалу гордиться и выситися и елико мы [ему] глаголахом: престани. Он же [царь] и во архиерейские дела учал вступатца властью и суд наш владети, или сам собою сие восхоте, или от злах человек преложиися, якоже и Ровоам, Царь Израилтеский, отложи совет древних мужей и слушаше совету оных, кии с ним воспиташась»⁷⁹. Патриарх винил во всем окружение государя, которое побуждало Алексея Михайловича вмешиваться в церковные дела. Возможно, в этих словах и была доля истины, хотя, как мы видели, патриарх без труда выпрашивал у государя всё новые привилегии и вотчины для своих монастырей. Но, скорее всего, подоплека конфликта была в другом. Никон был одержим идеей создания православного теократического государства, вся жизнь которого была бы подчинена строгому распорядку церковных служб. В конце концов, как заметил Августин Майерберг, он навлек на себя всеобщую ненависть. Против Никона были настроены и бояре, и духовенство, и даже государь. Для открытого столкновения нужен был только повод, и таким поводом стал инцидент с князем Д. Мещерским во время церемонии встречи грузинского царя Теймураза.

Через два дня после инцидента, на праздник Казанской иконы Божьей матери, Никон пригласил царя на богослужение, но государь «не приде ни на бдение, ни на литею, ни на литоргию, гневаясь на мя»⁸⁰. Еще через два дня, 10 июля, в Успенском соборе было празднование положения ризы Господней, принесенной из Персии в Москву в царствование Михаила Федоровича. Алексей Михайлович снова не был на службе. Тогда «во время святыя литоргии, по заамвонной молитве, великий господин святейший Никон, патриарх Московский и всеа Великия и Малыя и Белья России, оставил свой святителской престол пред всем освященным собором и пред всем народом, и отрекся своего патриаршескаго звания, и на амвоне разоблачился от всей архиерейской одежды, и посох архиерейской чюдотворца Петра митрополита поставил на патриарше месте, и вздел на себя простую мантию и клобук и пошел из соборныя церкви на подворье Воскресенскаго монастыря, а назавтрее поехал в Воскресенской монастырь»⁸¹. При этом, как писал Павел Потоцкий, сбежалась необыкновенно большая толпа, но патриарха сопровождал только один человек, знакомый с монашеской жизнью и его тайнами⁸². Москва наполнилась слухами. Одни говорили, что Никон оказался в изгнании в результате заговора дворцовой знати, недовольной тем, что он был инициатором войны против поляков, другие обвиняли его в чеканке медных монет, которая ввергла народ в нищету, третьи полагали, что патриарх стремился подчинить царский двор своим решениям и поплатился за это⁸³. Так или иначе, но с этой минуты Никону суждено было навсегда расстаться с его прежним влиянием и почти неограниченной властью.